

так и общественными землями. Однако из источников, которыми пользуются исследователи, это никак не вытекает. В самом деле, Дионисий Галикарнасский (II, 7) сообщает о разделении римлян на трибы и курии Ромулом и о разделении путем жеребьевки между 30 куриями земли поровну, употребляя слова *διελών τὴν γῆν εἰς τριάκοντα κλήρους ἴσους* и об резервировании части земель в качестве общей неделимой. И если последнее, выраженное в словах *καὶ τινα καὶ τῷ κοινῷ γῆν καταλιπόν* может рассматриваться как общая земля, как зародыш *ager publicus*, то полученные курией по жребию участки лишь подтверждают коллективный характер землевладения в древнейшем Риме. Этому нисколько не противоречит сообщение Варрона (III, 1, 10, 2) о раздаче Ромулом двух югеров, которые стали объектом передачи по наследству (*heredium*). Ведь, во-первых, текст Варрона не содержит указаний на то, что наследственность передачи земли, осуществлялась уже в ромулеанскую эпоху,¹ а во-вторых, передача по наследству вовсе не доказывает обязательно частнособственнических отношений (*dominium*) и может действовать в пределах владельческих (*possessio*), не препятствуя периодическим земельным переделам. Даже упоминание Дионисия о межевых камнях (II, 74, 25) не доказывает безоговорочно частной собственности на землю в правление Нумы. Дионисий в связи с этими камнями говорит об учреждении Нумой культа богу Термину и празднеств терминалий. Плутарх же (II, 16) связывает культ Термина не с межеванием, а с определением границ римских владений вообще. И хотя оба автора говорят о том, что божество охраняет границы общих и частных владений, помня, что эти авторы поздние, следует сказать, что их слов недостаточно для признания того, что частная земельная собственность утвердилась в Риме именно в VIII в. до н. э.

Конечно, исследование Э. Перуцци вносит корректив в представление об этой эпохе как о крайне примитивной, но археологические следы ромулеанского Рима все же не позволяют еще видеть в нем городскую территорию, принадлежащую сложившемуся классовому обществу. Все это заставляет нас с осторожностью отнестись к заключению Э. Перуцци, полагаая, что вопрос об аграрных отношениях и социальной структуре древнейшего Рима еще ждет специальных исследований.

Подводя общий итог, следует отметить, что оба тома труда Э. Перуцци можно рассматривать как самостоятельные книги, но они все-таки пронизаны общей идеей о решающем влиянии греческой культуры на древнейший Рим, который будто бы уже в ромулеанскую эпоху был вполне цивилизованным, пользовался письменностью, знал частную собственность на землю и в качестве основной социальной ячейки имел моногамную патриархальную семью, якобы предшествовавшую роду. Нам кажется, что генеральный вывод, касающийся социально-экономических отношений, в одной своей части остался еще недоказанным, а в другой неверен. Однако значение труда Э. Перуцци не определяется только этими выводами. Его работа по собиранию и сопоставлению множества разнохарактерных источников и особенно интерпретация лингвистических материалов позволяет продвинуть вперед источниковедение, и, стало быть, приносит несомненную пользу науке о древнейшем Риме. Подчеркнем еще в заключение плодотворность исследования Э. Перуцци, позволяющее уточнить картину культурной жизни ромуловой эпохи

И. Л. Маяк

ZOSIME, *Histoire nouvelle, t. I (livres I et II). Texte établi et traduit par F. Paschoud, Paris, 1971, CIII + 265 стр., карты*

Судьба «Новой истории» Зосима, последнего «эллинского» историка, во многих отношениях представляется загадочной. В самом деле, как могло получиться, что это произведение, пронизанное откровенно языческим настроением, не только было написано в уже христианизированной Восточной Римской империи, но сохранилось и читалось византийцами? Евагрий Схоластик в конце VI в. полемизировал с Зосимом, в IX в. Фотий включил краткую аннотацию «Новой истории» в «Библиотеку» (кодекс 98),

а в X в. Константин Багрянородный — отрывки из нее в «Хрестоматию». Сочинение Зосима сохранилось в единственной ватиканской рукописи (Vatic. 156); эта уникальная рукопись, по наблюдениям П. Канара, переписана четырьмя разными писцами, два из которых жили во второй половине X в., третий работал в XI столетии, четвертый — в XII. Два креста на обороте первого листа рукописи характерны для манускриптов, изготовленных в скриптории константинопольского Студийского монастыря: возможно, что эту языческую рукопись переписали или хотя бы начали переписывать студийские монахи (стр. LXXVII—LXXIX). Почему, однако, работа над ней затянулась на 200—250 лет? Когда возникла «Новая история», тоже недостаточно ясно. В ней видят намек на отмену хрисаргира (в 498 г. при Анастасии I); вместе с тем Зосим был известен Евстафию Епифанийскому, который, по мнению Ф. Пашу, писал при Юстине I (518—527); эти соображения заставляют приурочить деятельность Зосима к 498—518 гг. (стр. XVII). Впрочем, соображения Пашу должны быть приняты с известными оговорками: что касается Евстафия (его сочинение утеряно), мы знаем лишь, что он довел свой рассказ до 502/3 г. и умер вскоре после того, как описал экспедицию ромеев в Месопотамию (см. стр. XIII). Из этого не следует, ни что Евстафий умер в 502/3 г., как думали Л. Йеп и Л. Мендельсон, ни что он непременно был современником Юстина I, как предполагает Пашу¹: даже если допустить, что все византийские историки завершали свой рассказ царствованием предыдущего императора (положение отнюдь не очевидное: Агафий, доведший свой рассказ до 558 г., умер не при Юстине I, а позднее, по крайней мере при Тиберии I; Феофилакт Симокатта, повествующий о Маврикии, жил не при Фоке, преемнике Маврикия, но уже при Ираклии), смерть Евстафия, по-видимому, была скоростижной, и мы не знаем, до какого царствования он намеревался продолжать свою историю. Рассказ Зосима о податных мероприятиях Константина (II, 38, 1—4; см. комментарий Пашу, стр. 241—244 и во введении, стр. XIV—XVII) должен быть также специально рассмотрен. Зосим говорит о введении хрисаргира (§ 2—3), о налоге на пошлины (munus) на вступающих в должность претора (§ 3) и об установлении follis senatorius — налога на clarissimi (§ 4). После чего обвинитель Константина заявляет: «Он разорил города этими налогами (ταῖς τοιαύταις εἰσφοραῖς). Так как взыскание (τῆς ἀπαίτησεως) удержалось на долгое время и после Константина, богатство городов постепенно было вычерпано и большая часть [их] обитателей лишилась всего» (стр. 112, 3—7).

В этом пассаже немало неясного. Во-первых, о взыскании (ἀπαίτησις), сохранявшемся долгое время после Константина и разорившем города, сказано в единственном числе, — можно ли относить его ко всем трем поборам или только к последнему, к follis senatorius? О бедственных последствиях хрисаргира и «преторской пошлины» (матери продавали детей, отцы отдавали дочерей на блуд для уплаты хрисаргира, люди бежали из городов, чтобы не стать преторами) Зосим говорил уже раньше. Follis senatorius был отменен при Валентиниане III (CJ XII, 2, 2), т. е. не позднее 455 г. Но если ἀπαίτησις относится ко всем трем поборам (ср. множ. число: εἰσφοραῖ), можем ли мы быть уверены, что слова эти написаны после их устранения? Нельзя ли, напротив, считать, что замечание Зосима о долгом (ἐπὶ χρόνον χρόνον) взимании трех налогов сделано еще до их отмены, на которую в тексте нет намека? Так как первой из трех была уничтожена «преторская пошлина» (в 450 г. — см. CJ I, 39, 2), можно было бы выдвинуть гипотезу, что Зосим писал еще в первой половине V в., если только не думать, что историк заимствовал весь пассаж у своего предшественника Евнация (об источниках Зосима см. ниже).

Неопределенность времени жизни Зосима (от середины V до середины VI в. в грубых чертах)² при полном отсутствии сведений о его биографии как в «Новой истории», так и у Евгария и Фотия, затрудняет его идентификацию с его омонимами, известными по другим источникам. Пашу очень осторожно рассматривает возможность отождеств-

¹ Так и Р. Ридли (R. Riddle, Zosimus the Historian, BZ, 65, 1972, стр. 278), ссылающийся на работы А. Камерона и У. Гоффарта.

² Р. Ридли склоняется к тому, чтобы датировать жизнь Зосима скорее началом VI в., чем концом V в. (Riddle, Zosimus..., стр. 280).

ления историка с упомянутым в словаре «Суда» (X в.) Зосимом Газским или Аскалонским (стр. XVII—XX). Впрочем, сведения о нем противоречивы и скудны: согласно «Суде», он современник Анастасия I (491—518), но в хронике Георгия Кедрина (XII в.) сообщается, что ритор Зосим Газский был казнен императором Зиноном (474—491). Константин Багрянородный прямо приписывает фрагменты из «Новой истории» Зосиму Аскалонскому, но это могло быть простой и неудачной конъектурой. Автор «Суды» ничего не знает о «Новой истории»: его Зосим — софист, составивший пособие по риторике и сочинение (*ὑπόμνημα*) о Демосфене и Лисии; в самом деле известно «Жизнеописание Демосфена», приписываемое Зосиму Аскалонскому. Пашу подчеркивает (стр. XVIII) резкое стилистическое различие между «Жизнеописанием Демосфена» и «Новой историей» и полагает, что последняя не могла принадлежать софисту. Хотя такое заключение небесспорно, поскольку в Византии жанровый этикет подчас оказывался сильнее авторской индивидуальности, в целом вопрос о тождестве обоих Зосимов остается открытым³. Можно вместе с Пашу предполагать, что автор «Новой истории» тоже был палестинцем, но и это не более чем гипотеза.

Большие трудности порождает вопрос об источниках Зосима. Уже Фотий отметил, что Зосим переписал Евнапия, сокращая его изложение. К сожалению, «История» Евнапия Сардского (около 345—420) дошла до нас только в отрывках, и проверка заявления Фотия довольно затруднительна. Одно можно утверждать с уверенностью: Евнапий не был единственным источником «Новой истории». Пашу констатирует наличие трех источников Зосима (стр. LXI): от начала до I, 46 — неизвестное сочинение, отождествлять которое с «Хроникой» или «Скифией» Дексиппа нет оснований (стр. XXXVI—XXXIX); с I, 47 по V, 25 — Евнапий; с V, 26 до конца — Олимпиодор Фиванский. Переход к Олимпиодору, подчеркивает Пашу (стр. LVIII—LX), ведет к изменению характера изложения Зосима: появляются латинские термины, вводятся датировки по консулам-эпонимам, вместо измерения расстояния в стадиях употребляется римская мера — мили. В последней части «Новой истории» обнаруживается характерный для Олимпиодора интерес к социальным проблемам: Зосим упрекает римскую семью Анициев (аристократы, принявшие христианство) в хлебных спекуляциях во время второй осады Рима Аларихом (VI, 7, 4; 11, 1). Наконец, Зосим благоприятно оценивает здесь Стилихона, несмотря на то, что в начале V кн. говорит о нем весьма критически (стр. XXXIII сл.); кстати, уже Фотий видел в отношении Зосима к Стилихону единственное отличие «Новой истории» от Евнапия: «Он не нападает на Стилихона, как Евнапий», — писал константинопольский патриарх.

Пашу решительно настаивает на том, что Зосим пользовался исключительно (или почти исключительно) тремя перечисленными источниками, причем пользовался ими «рабски», никогда не контаминируя два разных памятника⁴. Пашу просто отрицает за Зосимом «способность комбинировать два источника» (стр. XXXIX, ср. стр. XLII, LIII, LVII).⁵ Разумеется, ни доказать, ни отвергнуть этот тезис невозможно, поскольку все три главных источника «Новой истории» (аноним, Евнапий и Олимпиодор) до нас не дошли. Безоговорочно доверять Фотию невозможно уже потому, что патриарх не заметил ни анонима, ни Олимпиодора. Близость к Евнапию была у Зосима отнюдь не «рабской»: Фотий усматривает ее, собственно говоря, лишь в одинаковой откровенности к «благочестивым царям», признавая, во всяком случае, большую стилистическую переработку Зосимом своего предшественника. Более того, уцелевшие фрагменты Евнапия, касающиеся персидской экспедиции Юлиана (fr. 19—23), не имеют точек соприкосновения с подробным рассказом Зосима о тех же событиях (стр. XLV); правомерно, разумеется, усомниться в том, что это расхождение является достаточным аргументом для постулирования наличия у Зосима независимого источника (стр. LI); можно даже смеваться, что эти фрагменты принадлежат Евнапию (стр. LIII), но как

³ Ридли решительно отвергает возможность тождества историка с одноименным софистом из Газы и грамматиком из Аскалона (R i d l e y, Zosimus..., стр. 277).

⁴ Ридли более «либерален» в трактовке этого вопроса: помимо трех главных источников, он допускает, что Зосим использовал другие памятники (R i d l e y, Zosimus..., стр. 280 сл.).

бы то ни было, нет никаких прямых доказательств, что непропорционально подробный рассказ Зосима о походе Юлиана против персов заимствован у Евнапия.

Сам Пашу при всем своем стремлении подчеркнуть несамостоятельность Зосима признает наличие в «Новой истории» ряда мест, не сводимых к трем главным источникам и отражающих его личные взгляды или же восходящих к какому-нибудь языческому руководству (стр. LXII).

Как бы ни решать вопрос об источниках Зосима и соответственно о степени компилятивности «Новой истории», не приходится отрицать, что перед нами уникальный памятник, сохранивший ряд свидетельств, отсутствующих в других исторических сочинениях; более того, Зосим — единственный историк этого времени, отчетливо и не прикрито выразивший точку зрения, расходившуюся с официальной. Начиная с Евсевия Кесарийского позднеримские церковные историки передавали слащавую версию перехода Константина к христианству в результате видения накануне битвы у Мильвийского моста. Зосим совершенно по-иному трактует это событие: по его версии, языческие оракулы, содержащиеся в Сивиллиных книгах, предвещали гибель Максентия, хотя тот и истолковал их превратно в свою пользу (II, 16, 1). Константин же обратился к христианству позднее, после расправы с Криспом и Фаустой, соблазненный идеей прощения греха, которую предложило ему христианство (II, 29, 3). Разумеется, версию Зосима нельзя принимать на веру⁵, истина, по всей видимости, лежит между тенденциозной легендой христианских апологетов и тенденциозной легендой языческих критиков Константина, но без Зосима было бы много труднее пробиться к этой затемненной преданием истине.

Книга Зосима, возникшая скорее всего где-то на рубеже V и VI вв., позволяет нам проникнуть в тот «культурный климат», который сложился в Римской империи после торжества христианства. Прежде всего язычество далеко не исчезло, оно еще удерживало важные позиции в идеологической сфере: Пашу приводит очень внушительный список оппозиционных, преимущественно антихристианских высказываний Зосима (стр. LXIV—LXVI). Но критика не ограничивается только сферой религии⁶: в кн. I «Новой истории» включена критика режима Октавиана-Августа (I, 5, 3—4), которая в сущности является критикой монархического режима вообще — явление уникальное в истории византийской идеологии. Отмечая это обстоятельство, Пашу подчеркивает оригинальность пассажа Зосима (стр. XL) в отличие от Ридли, который сомневается, что в VI в. еще могли сохраняться республиканские симпатии⁷.

Но можно ли ограничиться только «негативной» характеристикой Зосима как критика христианства и монархического режима (прибавив к этому еще его антигерманизм)? Нельзя ли пойти дальше и поставить вопрос о его социальных симпатиях, учитывая, что историк оплакивает прежде всего судьбу римских городов (II, 38; IV, 59 и др.)? Не был ли Зосим выразителем идеологии какого-то слоя куртиалов, продолжателем линии Ливания и Прокла? Но вместе с тем нельзя не видеть его симпатии к Константинополю, который Зосим восторженно описывает (II, 30—31). И вполне возможно, что этот критик монархии, подобно проповедникам новой религии, верил в устойчивость и долговечность Римской империи⁸.

К сожалению, сложная проблема социальной принадлежности и социальных симпатий Зосима едва затронута в обширном предисловии Пашу, равно как и другая проблема, первостепенная для понимания культурного климата эпохи — проблема стиля (стр. LXX и сл.). Я бы сказал, что задача заключается в том, чтобы понять, как могло случиться, что Фотий с одобрением отзывался о стиле такого откровенного хулителя

⁵ См. об этом специально F. Paschoud, Zosime 2,29 et la version païenne de la conversion de Constantin, «Historia», 20, 1971.

⁶ Впрочем, сравнительно недавно Ридли выдвинул предположение, что язычество Зосима не было столь доктринарным, как принято думать: он критиковал Максентия (II, 54), хвалил Валентиниана (IV, 3, 2—5) и умалчивал о религиозной политике Юлиана (Riddle, Zosimus..., стр. 285).

⁷ Riddle, Zosimus..., стр. 282 сл.

⁸ См. об этом W. E. Kaegi, Byzantium and the Decline of Rome, Princeton, 1968, стр. 142.

христианства, каким был Зосим. Решение, видимо, надо искать в том, что манера письма Зосима (равно как и манера его обращения с источником) приближалась к стилю христианских эпитоматоров, типа его современника Феодора Чтеца. Вопреки усилиям писателей, подобных Прокопию, рождалась средневековая аналитика, доверчивая к легенде, однозначная в оценке лиц и событий, фанатически страстная до слепоты, и создавалась она (в этом-то и состоит примечательность) как в христианских, так и в языческих кругах. Чтобы стать (или, вернее, остаться) выше ее, надо было стать выше или вне конфессиональной борьбы, приемля в известной мере и христианские, и «эллинские» элементы и создавая из этого оппортунистического силава символ не веры, а терпимости. В VI в. это удавалось немногим, в VII в. — никому.

Рецензируемая книга — подготовленное Пашу издание «Новой истории» Зосима. Первый том включает две первые книги, между которыми, как известно, имеется лагуна, поглотившая период правления Диоклетиана. Вторая книга начинается с отступления, посвященного Столетним играм, после чего излагается история Константина и его сыновей, вплоть до возведения Юлиана в ранг цезаря. Остальные книги должны будут занять еще два тома.

Поскольку текст сохранился в единственной рукописи, к тому же довольно хорошего качества, и поскольку уже в 1887 г. было выпущено критическое издание Зосима, подготовленное профессором Дерптского (Юрьевского) университета Л. Мендельсоном, публикация Пашу, по его собственным словам (см. стр. LXXXVIII сл.), не отличается принципиально от издания 1887 г. Зато она сопровождается параллельным французским переводом и обширным комментарием, где примечания вырастают в подлинные исследовательские статьи. Нужно отметить, что комментарий такого типа крайне редко встречается в изданиях византийских историков; даже в новых публикациях (можно напомнить «Историю» Агафия, см. рецензию — ВДИ, 1968, № 3, стр. 208—211) издатели ограничиваются, как правило, скудными хронологическими пометами и разъяснением реалий. Тем самым работа филолога и лингвиста, чтение и осмысление текста как бы отделяются друг от друга, а в проигрыше остается, конечно, читатель. Сочетание текста, перевода и научного комментария делает издание Пашу особенно ценным.

Большая вводная статья, предваряющая публикацию, — вариант статьи Пашу «Зосим», написанной для RE, Bd. 10 A. Ее отличает тщательность и осторожность в выводах, хотя я и пытался выше поставить некоторые из его заключений под сомнение. К статье приложен алфавитный библиографический список работ о Зосиме и о смежных сюжетах. К этому списку можно сделать некоторые дополнения (я включил также работы, вышедшие уже после того, как они могли быть учтены Пашу): В. Г р е ф ф е, Новое издание Зосима, ЖМНП, 258, 1888, июль (развернутая рецензия на издание Мендельсона); J. В. В u r y, Note on Zosimus V, 46, «Classical Review», 10, 1896; G. O m e n, De Zosimo Ascalonita atque Marcellino, Münster, 1926; D. S c a v o n e, Zosimus and his Historical Models, «Greek, Roman and Byzantine Studies», 11, 1969; W. G o f f a r t, The Historian Zosimus as a Witness to his Own Time, «American Historical Review», 86, 1971; W. G o f f a r t, Zosimus, the First Historian of Rome's Fall, там же; P. S c h m i d t, De auctoritate et fide historica Zosimi vitam Constantini Magni narrantis, Halis, 1865; J. S t r a u b, Konstantins Verzicht auf dem Gang zu Kapitol, «Historia», 4, 1955; F. H. S u c h i e r, Disputationes de Zosimi et Eusebii, historiarum scriptorum, in Constantini Magni imperatoris rebus exponendis fide et auctoritate, I, Programm, Hersfeld, 1856; R. T. R i d l e y, Eunapius and Zosimus, «Helikon», 9—10, 1969—1970.

A. K.